

В. А. Шкерин

ОДИССЕЯ ИНЖЕНЕРА МАЛОЗЕМОВА

Все вместила, перемешав, эта судьба: увлечение горным делом, революцию, сибирскую ссылку и сибирское золото, эмиграцию и возвращение, Россию, Азию и Западную Европу, Северную и Южную Америку. И еще любовь двух сильных женщин, осветившая его судьбу с юности и до последних дней.

Александр Платонович Малоземов родился в 1879 г. в украинском городке Радзивилов (ныне Радивилов). Его отец был русским офицером, служившим в Варшаве, мать — полькой. От этого союза появились на свет сын и пятеро дочерей: Наталья, Мария, Лидия, Ольга и Софья. Малоземовы были дворянами беспоместными, но средств на образование детей не жалели: все получили университетские, консерваторские или институтские дипломы. Александр окончил Петербургский горный институт, затем дополнительно обучался в Фрайбергской горной академии¹.

Вернувшись из Саксонии летом 1904 г., он получил место в Симском горнозаводском округе Уфимской губернии. Округ объединял Симский, Аша-Балашовский, Миньярский и Николаевский металлургические заводы. Его владельцы, Николай Петрович и Иван Петрович Балашовы, числились по придворной части и проживали то в Петербурге, то за границей. Руководил округом опытный горный инженер Алексей Иванович Умов². Малоземову он доверил управление механическим цехом Симского завода. Вскоре выяснилось, что молодой инженер симпатизирует социал-демократам³. В 1905 г. началась революция. На петербургский расстрел 9 января симские рабочие ответили забастовкой и требованием сокращения рабочего дня. На экстренном административном совещании А. П. Малоземов и управитель Симского завода Г. И. Бострем поддержали требования рабочих и тем самым противопоставили себя А. И. Умову⁴.

Апогеем политической активности Малоземова стал октябрь 1905 г. Симский рабочий И. Ф. Салов вспоминал: «В октябрьские дни в волости прочитали “манифест от батюшки царя”, а в механическом цехе происходило первое открытое собрание рабочих всех цехов завода, на котором Малоземов объяснял, как напуганное рабочим движением царское правительство бросило рабочим “подачку” — кусок бумажки, чтобы завтра взять ее обратно, когда ослабнет рабочий напор на самодержавие. В за-

ключение оратор призывал рабочих к сплочению, к вооружению, к организации боевой дружины и к стойкой революционной борьбе с царским самодержавием, не останавливаясь перед манифестом на полпути. <...> С этого времени РСДРП большевиков в широком масштабе развернула свою работу среди рабочих масс Симского горного округа»⁵. В ноябре Умов отстранил Малоземова от должности. Но уже 30 числа того же месяца миньярские рабочие подали окружному управляющему список требований, одно из которых гласило: «Александр Платонович Малоземов заступит на службу в Симский округ»⁶. Умову пришлось согласиться, о чем он письменно извещал Н. П. Балашова 4 декабря: «В народоме (народном доме. — В. Ш.) Миньярского завода с меня взяли подписку, что Малоземов будет возвращен в округ...»⁷

Однако уже вскоре у бунтаря-инженера возникли разногласия с рабочими. Согласно решению Таммерфорсской конференции симские большевики развернули агитацию за бойкот выборов в I Государственную думу. Малоземов, напротив, выставил свою кандидатуру, но из-за бойкота избран не был⁸. Впоследствии большевики признали ошибочность бойкота в условиях начавшегося революционного спада и приняли активное участие в выборах во II Государственную думу. Малоземову же такой дальновидности не простили.

Лидер миньярских большевиков М. Н. Коковихин, вернувшийся в Симский округ после службы в армии и тюрьмы в 1907 г., писал: «В конце 1904 г. и в 1905 г. в Симском округе подвизался инженер Малоземов. Мы отводим ему место для характеристики его только потому, что роль Малоземова в деятельности социал-демократов Симского округа очень преувеличена и его политическая физиономия должным образом не раскрыта. <...> Малоземов относится к ярко выраженному типу попутчиков. Приехав в Симский завод, он первоначально никакой партийной работы не вел. Продолжалось это до тех пор, пока деятельность Миньярской и Симской организаций не пошла на подъем. В это время Малоземов примкнул к меньшевикам. Все это и определило его политическую деятельность в Симском горном округе. Все мысли Малоземова были заняты только тем, чтобы его избрали в первую Государственную думу. <...> Этим он полностью разоблачил себя перед рабочей массой в том, что идет наперекор большевикам. Рабочие Миньяра и Сима пошли за большевиками, бойкотировали выборы в первую Думу. Кандидатура Малоземова не получила поддержки. Так позорно и кончилась его революционная карьера в округе»⁹.

В 1906 или 1907 г. А. П. Малоземову пришлось оставить Симский округ по причинам не только политическим, но и личным. Спустя годы его сын Платон рассказывал: «Он недолго работал на железных и стальных заводах на Уральских горах, где познакомился с поразительно краси-

вой, высокой 16-летней дочерью управляющего и предложил ей выйти за него замуж. Ему тогда было двадцать пять. Жена управляющего, властная женщина, была против, считая, что ее дочь слишком молода, и в любом случае ей не должно думать об отце, поскольку у него не было значимого статуса. Она действовала через губернатора, уволившего моего отца с работы и выдворившего его из провинции»¹⁰. Речь идет о старшей дочери А. И. Умова Марии или, по-домашнему, Мусе. Людмила Алексеевна Умова, внучка Алексея Ивановича и племянница Марии, вспоминала: «Это была очень интересная, высокая и стройная девушка с копной белокурых волос.... Симский горный инженер Малоземов, еще когда она была студенткой, вернее, курсисткой, просил у Алексея Ивановича и Марии Ивановны ее руки, но получил отказ. Он так расстроился, что уехал из Сима. В Уфе на вокзале его провожал дядя Ваня (сын А. И. Умова, в то время старший гимназист. — В. Ш.), и Малоземов, уже севши в поезд, попросил купить ему водки. Дядя Ваня исполнил просьбу, и с двумя бутылками водки в руках встретился на перроне с директором гимназии. Как он выкручивался из этой ситуации, я не знаю»¹¹. Мемуаристка подтвердила, что «бабушка была довольно властного характера» и стремилась сама подбирать подходящие, с ее точки зрения, партии для детей.

Малоземов уехал в Петербург, где жила его родня и где, кстати, училась Мария Умова. Дальнейшие события развивались стремительно. Сестра Александра Лидия была замужем за горным инженером Павлом Андреевичем Гуляевым. Гуляевская же сестра Елизавета училась на тех самых Бестужевских курсах, что и Мария. «Мама была очень живой молодой девушкой, весьма романтической, крайне сентиментальной, учившейся, как только у нее появлялось для этого время, и такой она оставалась всю жизнь, — говорил П. А. Малоземов. — Она не закончила обучение, потому что стала интересоваться политическим движением в 1906, 1907 и 1908 гг. В это же время она встретила отца, который был активным социал-демократом.... Мама стала помощником и секретарем в его политической деятельности и влюбилась. Они поженились в тюрьме, до того, как отца отправили в ссылку»¹².

Малоземова осудили на год тюрьмы и десять лет ссылки. Местом поселения был назначен забайкальский городишко Баргузин. Бросив учебу, Елизавета в 1908 г. последовала за мужем, но уже в 1909 г. вернулась в Петербург к матери, чтобы родить первенца Платона. Когда ребенку исполнилось шесть недель, она забрала его и вновь отправилась в Сибирь. «Часть этой поездки она совершила верхом на лошади, в снежную зиму, везя меня на ремне, болтавшемся на ее шее, — рассказывал П. А. Малоземов. — Мой брат Андрей родился в Баргузине через год и

три месяца после меня. Она взяла нас и вернулась в Петербург...»¹³ Такие поездки Елизавета Малоземова совершала примерно раз в два года, чтобы погостить с детьми месяц или два у матери, державшей магазин и швейную мастерскую на Моховой улице. Вероятно, в этих вояжах имела и экономическая необходимость: молодая семья жила в Баргузине на пособие ссыльного, но в большей степени на доходы от частных уроков Елизаветы.

Лишь на третий год ссыльному инженеру удалось найти работу на Королонских приисках, принадлежавших крупнейшему золотопромышленнику Забайкалья Я. Д. Фризеру. Вслед за мужем и отцом на прииски переселилась вся семья. Елизавета Андреевна приняла на себя обязанности приискового казначея. Малоземовы обрели скромный достаток. Три года успешной работы на Фризера составили Малоземову хорошую репутацию. Начали поступать предложения и от других золотопромышленников. В 1914 г. Малоземов перешел на службу в британскую акционерную компанию «Lena Goldfields». Революция 1917 г. сняла с инженера подозрительный для акционеров статус ссыльнопоселенца, и Малоземов стал управлять всеми золотыми приисками «Lena Goldfields» в Сибири. Со 150—200 руб. в год его жалование взлетело до 60 тыс. золотом. Семья перебралась в большой, богато обставленный дом¹⁴.

Платон Малоземов имел веские основания утверждать, что отец занял одно из престижнейших мест в иерархии русской горной промышленности. В начале XX в. британский капитал был представлен в сибирской и уральской золотодобыче внушительным списком акционерных обществ: «The Siberian Gold Dregging Company», «The Nerchinsk Gold Company», «Central Siberia», «The Orsk Goldfields», «The Troizk Goldfields», «The Altay Gold Concession» и др. В этом списке «Lena Goldfields», безусловно, занимала лидирующее положение. В 1907 г. по инициативе барона Г. Е. Гинцбурга, одного из главных акционеров крупнейшего в России «Ленского золотопромышленного товарищества», в Лондоне была учреждена «Русская горнопромышленная корпорация», дочерней компанией которой стала «Lena Goldfields». Последняя, располагая капиталом в 1405 тыс. ф. ст., или около 13,3 млн р., скупила значительный пакет акций Лензолота¹⁵. Так Малоземов оказался причастен к числу управляющих, чьими трудами прирастало богатство «Ленского товарищества»¹⁶.

Поначалу революция не оказывала негативного влияния ни на деятельность «Lena Goldfields», ни на жизнь приискового городка. Стараниями управляющего население обеспечивалось продовольствием, работали начальная и средняя школа, библиотека. В школе, в руководстве которой участвовала Елизавета Андреевна, ее собственные сыновья учились вместе с детьми рабочих. В октябре 1917 г. власть в городке перешла к

большевикам, но предприятием по-прежнему руководил Малоземов. Затем пришли колчаковцы. Подписывая с ними соглашение об условиях работы приисков, Александр Платонович узнал, что местные большевики приговорены к расстрелу. С трудом ему удалось договориться о сохранении жизни арестованным. Вероятно, это обстоятельство спасло жизнь самому Малоземову после возвращения красных. Неприятности ограничились почти регулярными ночными обысками.

Малоземов даже разработал план модернизации приискового хозяйства, получивший одобрение лондонского руководства. В 1919 г. он отправился в США для закупки оборудования. Находясь в Америке, Александр Платонович был извещен сибирскими друзьями, о том, что его возвращения ждут не только домашние, но и чекисты. Остаться по ту сторону океана было легко, нелегко было вывезти из России семью. С трудностями и приключениями Елизавете Андреевне удалось вместе с детьми нелегально бежать через советско-монгольскую границу, затем на автомобиле пересечь пустыню Гоби и, наконец, соединиться с мужем в северокитайском городе Калган (Чжанзякоу). Дальнейший путь Малоземовых пролегал через Пекин, Шанхай и японский Кобе в Сан-Франциско, куда океанский лайнер доставил их 30 декабря 1920 г.

Переезд в США означал прекращение службы А. П. Малоземова в «Lena Goldfields». Накопленные средства позволили купить дом в Окленде. Затем Александр Платонович уехал работать в Нью-Йорк, а в Сан-Франциско стал навещать по два-три раза в год. По мнению Платона, так началось отдаление отца от семьи. Провозглашенный X съездом РКП(б) в марте 1921 г. переход к НЭПу А. П. Малоземов воспринял как признание допущенных в ходе революции перегибов и того, что без зарубежной финансовой помощи экономику страны не поднять¹⁷. Вскоре начались длительные и трудные переговоры по возобновлению деятельности «Lena Goldfields» в России, которые с советской стороны вела комиссия, созданная Политбюро ЦК ВКП(б) и включавшая В. В. Куйбышева и А. А. Андреева. За 1924—1925 гг. ход переговоров трижды обсуждался на пленумах ЦК¹⁸.

Наконец, хроническая нехватка средств и неумение обеспечить прииски рабочими (несмотря на мобилизацию мужчин четырех призывных возрастов) вынудили советское правительство передать предприятия союзного треста «Лензолото» в концессию возрожденной акционерной компании «Lena Goldfields». Договор был подписан 14 ноября 1925 г. Головной офис и совет директоров компании обосновались в Лондоне. Малоземов стал ее директором-распорядителем. Концессионерам передавались Ленско-Витимские прииски (Бодайбинский район) и Ленское пароходство. Помимо этого еще два британских акционерных общества,

«The Sisert Mining District Company» и «The Altay Mining District Company», передали «Lena Goldfields» свои бывшие права на промышленные предприятия в России. Так в долгосрочной аренде «Lena Goldfields» оказались металлургические заводы Урала и горнорудные предприятия Алтая, а сама компания стала крупнейшим концессионным предприятием в СССР. На Урале концессии были переданы Ревдинский, Бисертский, Сысертский, Северский и Полевской металлургические заводы, Дегтярский и Зюзельский медные рудники, а в 1927 г. — еще и Бурсунская и Ключевская шахты Егоршинского угольного бассейна. На Алтае в пользование концессии перешли Зырянский и Змеиногорский горные округа, а также Кольчугинские копи в Кузнецком бассейне.

«Lena Goldfields» получала исключительные права добычи золота в Бодайбинском районе, могла беспошлинно ввозить в страну оборудование и вывозить четверть добытого драгметалла. Оставшиеся три четверти она должна была сдавать по цене, установленной Наркоматом финансов. Начиная с седьмого года работы концессии не менее половины золота должно было добываться механическим путем. Концессионеры обязались ежегодно добывать по 400 пудов золота (30 % добычи золота в стране) и 1000 пудов серебра (80 % добычи), а после ввода в строй Дегтярского медеплавильного завода давать 1 млн пудов меди в год (50 %) ¹⁹. Также полагалось инвестировать значительные средства в модернизацию предприятий и разведку новых месторождений. Только на строительство центра медной промышленности в Дегтярске в течение ближайших 4—5 лет предполагалось потратить 10 млн рублей ²⁰.

По условиям концессионного договора не менее половины технического персонала и квалифицированных работников должны были составлять советские граждане. Малоземов и сам стремился принимать в компанию русских инженеров, но при этом исходил из деловых качеств, не делая различий между оставшимися в стране и оказавшимися за ее пределами. Одним из таковых стал его шурином П. А. Гуляев, встретивший 1917-й год управителем металлургического завода в Лысьве, затем служивший в правлении советского синдиката «Уралмет», а теперь пришедший в московский офис «Lena Goldfields». Иногда удавалось возвращать на предприятия прежних руководителей. Директором Ревдинского завода стал бывший главный инженер Ф. Ф. Штуц, а управляющим Сысертского горного округа — смещенный с поста в 1917 г. директор Северского завода того же округа И. И. Чиканцев. Рациональное с производственной точки зрения решение было чревато политическими проблемами. Даже спустя десятилетия партийный историк утверждал: «Административно-технический персонал подбирался по строго классовому принципу: из числа эмигрировавших за границу и оставшихся в стране бывших пред-

принимателей, буржуазных специалистов, торговцев, а также бывших помещиков, царских чиновников, генералов, офицеров и тому подобных антисоветских элементов»²¹.

Концессионеры показали себя добросовестными и эффективными партнерами. Уже за 1925/26 хозяйственный год «Lena Goldfields» дала четверть всего добытого в СССР золота²². За первые четыре года инвестиции в развитие арендованных предприятий достигли без малого 22 млн р.²³, ради чего правление с согласия акционеров задержало выплату дивидендов. На Урале, где за первые три года вложения компании составили 5,5 млн р., были реконструированы Ревдинский завод и Дегтярская железнодорожная ветка, начато возведение Дегтярского медеплавильного завода, построены обогатительные фабрики, переоборудованы рудники²⁴. Не была забыта и социальная сфера: в заводских поселках целые улицы застраивались домами для рабочих и инженерно-технического персонала²⁵. Советская сторона подобной добросовестностью не отличалась. Уже с переданных в концессию предприятий было вывезено оборудование почти на 800 тыс. руб.²⁶ Так, по указанию руководства треста «Гормет» на Сысертском заводе был демонтирован мартеповский стан и перевезен на государственный Верх-Исетский завод. Заместитель председателя сысертского заводского профсоюза А. Григорьев вспоминал: «Зачем его оставлять капиталистам? — говорили в тресте. — Вывезти надо». Вывезли и убедились, что стан годится только в металллом. И его действительно отправили в мартены на переплавку»²⁷.

Для выполнения обязательств перед советской стороной и развития арендованных предприятий концессионерам требовалось астрономическая сумма в 30 млн долларов. Основные инвесторы нашлись в Британии и Германии. Однако для успешного хозяйствования важна была и возможность кредитования в советских банках. Между тем в сентябре 1926 г. Совнарком СССР неожиданно заявил о нецелесообразности финансовой поддержки иностранных предпринимателей. В декабре Малоземов писал в Главконцесском: «Работа предприятия в течение первого года показала, что общество лишено возможности нормально кредитоваться в существующих банках СССР, будучи в то же время, в силу экономического положения СССР, вынуждено оказывать кредит государственной промышленности в лице государственных трестов, являющихся преимущественными, а на некоторые товары исключительными покупателями... Концессионер вынуждается к кредитованию государственной промышленности из концессионных средств, что никогда не входило в его намерения и никоим образом не может быть признано правильным с точки зрения назначения концессионного капитала»²⁸.

Но Малоземова привели в России не только коммерческие интересы или благородное стремление помочь родине. Оказалось, что и два десятилетия спустя не угасло его чувство к Марии Умовой. Давно не было на свете ее родителей: Мария Ивановна скончалась в 1914 или 1915 г., Алексея Ивановича застрелил красный боевик в 1918 г. Сама Мария Алексеевна по-прежнему жила в Петербурге вместе с сестрой Екатериной. Их племянница Л. А. Умова рассказывала эту романтическую историю так: «После революции директриса гимназии, где преподавала тетя Муся, эмигрировала, и учителя этого учебного заведения выбрали директором тетю Мусю. <...> В 20-х годах тетя Муся и тетя Катя жили в Ленинграде, где было очень голодно. Вдруг они стали получать продуктовые посылки без обратного адреса. А затем в квартире появился Александр Платонович Малоземов. <...> Как рассказывала мне Катюша, тетя Муся и Малоземов проговорили всю ночь. Утром тетя Муся сказала, что они не могут жить друг без друга, и она уехала с Малоземовым. Поскольку первая жена Малоземова и семья жили в Англии, жить тете Мусе в Англии было нельзя, и она поселилась на юге Франции... В Свердловске была контора “Лена Гольдфильдс”, и в конце 20-х годов Малоземов приезжал ее инспектировать. С ним приехала и тетя Муся. Они были у нас, а затем мы провожали их на вокзале. Запомнилась мне высокая, интересная тетя Муся и какие-то молодые люди из конторы “Лена Гольдфильдс”, подобострастно окружавшие ее»²⁹. Позднее Малоземов развелся с Елизаветой и узаконил отношения с Марией.

В «черный четверг» 24 октября 1929 г. стремительное падение курса акций на нью-йоркской бирже разверзло пучину мирового экономического кризиса. Возможности финансирования концессионных предприятий из зарубежных источников резко сократились. Советское руководство решило, что необходимость в концессиях отпала. В ночь на 15 декабря ОГПУ произвело облавы на предприятиях «Lena Goldfields», разделенных между собой тысячами километров. Наряду с деловой документацией у управленцев, инженеров и техников изымались документы личного характера. Два десятка русских специалистов, не защищенных иностранными паспортами, подверглись арестам³⁰. Находившийся в Британии Малоземов подобной участи избежал. 13 января 1930 г. из Лондона в Москву ушла телеграмма: «Правительству СССР. ВСНХ. От имени всех заинтересованных, британских, американских и немецких лиц, связанных с обществом “Лена Гольдфильдс”. Мы, к сожалению, вынуждены обратить ваше серьезное внимание на ненормальные условия, создавшиеся в последние месяцы для дела этого общества в СССР и которые отразились неожиданными и одновременными налетами и обысками помещений общества и квартир большинства служащих.... У нас два требующих

выяснения вопроса: 1. Будут ли восстановлены условия работы, действовавшие до октября 1929 г.? 2. Означает ли происходящее, что концессионная политика правительства изменилась? Ленголфи. Лондон»³¹. Советское правительство предпочло ответить публично через газету «Правда» от 11 февраля 1930 г. Было заявлено, что изменение условий работы компании спровоцировано с ее стороны «грубыми нарушениями договора, невнесением в необходимых размерах долевого отчисления, затягиванием выполнения производственной программы по строительству, нарушениями трудового законодательства, хищничеством концессионеров», а что касается обысков, то ОГПУ произвело их «в целях охраны государственных порядков от контрреволюционных и шпионских поплзновений сотрудников концессии»³².

В феврале же все концессионные предприятия за якобы имевшиеся долги были переданы в управление Госбанка СССР. В начале марта «Lena Goldfields» признала невозможность дальнейшего сотрудничества и выдвинула претензию советскому правительству на 13 млн ф. ст. Арбитром в этом споре с советской стороны был назначен главный юрисконсульт при наркоме внешней торговли С. Б. Членов. Интересы концессионеров представлял британский арбитр сэра Лесли Скотт (Leslie Scott). Председателем третейского суда стал профессор Фрайбергской горной академии Отто Штутцер (Otto Stutzer). Стороны согласовали день открытия заседания — 9 мая 1930 г. и место — Лондонский королевский суд. 1 мая «Lena Goldfields» уведомила Главконцесском о том, что снимает с себя ответственность за дальнейшее ведение концессии и лишает доверенности своих представителей в СССР. В ответ на это 5 мая советская сторона вышла из арбитражной процедуры. В помеченной этой датой телеграмме Главконцесскома говорилось: «Советское правительство считает, что суд, организованный для рассмотрения спорных вопросов, вытекающих из исполнения договора, перестал существовать, и что вопросы, связанные с расчетами по концессии, ликвидированной односторонним актом концессионера, должны послужить предметом мирных переговоров, а в случае достижения соглашения — предметом разбирательства нового третейского суда. Советское правительство, однако, не может допустить такого положения, при котором параллельно мирным переговорам продолжал бы действовать потерявший юридическую силу, не признанный им и лишенный его представителя третейский суд»³³. Лондонский суд состоялся без советского арбитра и в конце августа удовлетворил претензии истца на 12 965 000 ф. ст.³⁴

Тем временем советская сторона предпринимала ответные действия. В начале мая Верховный суд СССР приговорил арестованных сотрудников «Lena Goldfields» к различным срокам заключения по обвинению в

шпионаже и экономической контрреволюции. В день открытия лондонского суда, 9 мая, Свердловский окружком ВКП(б) и Уралпрофсовет разослали секретарям райкомов партии, секретарям партийных ячеек и руководителям фабзавкомов письма с требованием «разъяснить рабочим причины и последствия внезапного прекращения деятельности концессии, провести собрания и митинги протеста». На Ревдинском, Северском, Сысертском, Полевском заводах 27 мая и на Дегтярском руднике 28 мая началась стачка. Запоздавшие егоршинские горянки забастовали в начале июня. В конце мая такие же события развернулись на Ленско-Витимских приисках. К тому времени рабочие около двух месяцев не получали зарплату, и необходимо было направить гнев голодных людей в русло классово-ненависти. Поскольку последний уполномоченный концессионеров уехал из Москвы 30 мая, протестная акция вылилась в регулярные перерегистрации стачечников фабзавкома и в коллективные чтения партийных директив. Завершилась стачка еще более организованно, чем началась: 13 августа 1930 г. президиум ВЦСПС и ЦК Союза горнорабочих дали соответствующее распоряжение в связи с отпуском кредита Госбанком³⁵.

Москва провела и собственный показательный процесс, на котором прокурор Ланда разъяснил суть конфликта: «Хищники, вредители и шпионы ставили себе задачей экономически ослабить СССР и ударить по индустриализации страны. Экономическое вредительство давало им надежду на успехи интервенции»³⁶. Эта версия была растиражирована советской прессой³⁷ и пропагандистской литературой³⁸. Работы партийных историков сохранили заданную тональность и в дальнейшем. В них можно прочесть и о том, что «в руководстве концессии “Лена Голдфилдс” оказались люди, для которых их техническая специальность являлась второстепенной, основной же профессией их были вредительские действия против СССР»³⁹, и том, что «за ширмой крупнейшей концессии “Лена Гольдфильдс” свила себе гнездо и орудовала вредительская контрреволюционная организация»⁴⁰.

Между тем в 1934 г. под нажимом британского правительства Москва возобновила переговоры с «Lena Goldfields», и с 1935 по май 1940 г. советская сторона возвращала деньги концессионерам⁴¹. После поглощения Советским Союзом Прибалтики летом 1940 г. Британия отказала ему в доступе к хранящимся у нее золотым запасам центральных банков Латвии, Литвы и Эстонии. В ответ СССР объявил недействительным соглашение по «Lena Goldfields». Советско-британские переговоры по урегулированию взаимных финансовых и имущественных претензий возобновились только в 1959 г., а новое соглашение было подписано 5 января 1968 г. Согласно этому документу Советскому Союзу доставалась часть

прибалтийских активов, а прочее направлялось на удовлетворение исков акционеров «Lena Goldfields» и иных держателей советских обязательств вне зависимости от их гражданства⁴².

После краха «Lena Goldfields» Александр Платонович тяжело заболел, перенес операцию и несколько лет прожил с новой женой во Французской Ривьере, близ Ниццы. Правление компании выплатило ему вознаграждение в размере от 60 до 70 тыс. долларов, что, впрочем, для менеджера такого уровня было немного⁴³. Когда здоровье восстановилось, а деньги, вероятно, кончились, Александр Платонович и Мария Алексеевна перебрались в Нью-Йорк. Тем временем в Калифорнии Елизавета Андреевна окончила университет в Беркли и в 1938 г. получила степень доктора философии как специалист по русской литературе. Сын Андрей также пошел по гуманитарной стезе, став историком. Зато Платон после Калифорнийского университета в Беркли окончил горную школу в Монтане и, таким образом, избрал профессию отца.

Новый проект А. П. Малоземова оказался связан с Латинской Америкой. Кубинец Акоста (Acosta) согласился финансировать геологические изыскания в Аргентине. Малоземов убедил сына Платона, что не дело горному инженеру торговать промышленным оборудованием, чем тот зарабатывал на жизнь в «Pan American Engineering Company». Третьим компаньоном стал инженер Артур Корри (Arthur Corry). В 1938 г. троица отплыла в Аргентину. Они планировали искать месторождения вольфрама в провинции Кордова, но уже на месте Александр Платонович решил, что перспективнее заняться разведками золота и меди. Потребовались дополнительные инвестиции, ради которых Малоземовы временно вернулись в США. Старшему удалось договориться о финансировании с известной нью-йоркской банковской конторой «Brown Brothers Natiman», а младший убедил «Pan American Engineering Company» взяться за разработку проекта фабрики и поставить на нее оборудование. В 1941 г. Платон Малоземов стал директором фабричного строительства, в то время как отец обустроивал шахту «Эль Оро» (El Oro) близ города Чилесито (Chilecito).

И вновь мировая политика вторглась в малоземовский бизнес. В декабре 1941 г. телеграмма принесла в Чилесито весть о нападении японцев на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор. На следующий день газеты объявили о вступлении США в войну. Морские поставки оборудования стали столь рискованными и дорогими, что проект потерял рентабельность. Вернувшись из очередной бесплодной поездки в Буэнос-Айрес, Александр Платонович сообщил эту безрадостную весть в Нью-Йорке. Финансисты, разумеется, были недовольны. На смену Малоземо-

вым прибыл некий инженер из Колорадо, но через некоторое время работы на шахте и фабрике все равно остановились.

Среди нью-йоркских знакомых А. П. Малоземова был вице-президент American Smelting and Refining Company Герман Александрович Курсель (Kursell). Это был балтийский немец, вместе с которым они когда-то учились во Фрайбергской академии. Однокашники узнали, что United Fruit Company владеет на тихоокеанском побережье Коста-Рики, в Абангаресе (Abangarez), непрофильным производством — золотой шахтой. Шахту эксплуатировали арендаторы, от которых компания получала скромные отчисления. За обещанное повышение доходности фруктовые капиталисты в том же 1942 г. согласились передать ее в руки отца и сына Малоземовых, Курселя и коста-риканского бизнесмена Montejo. До заключения контракта Малоземовы посетили Абангарес, осмотрели шахту и взяли образцы руды для лабораторного исследования. Увиденное не понравилось Платону, который пытался отвлечь отца от этой затеи. Но 62-летний горный инженер, вероятно, рассматривал ее как последний шанс на работу по профессии, а в случае успеха и на обеспеченную старость. Рассердившись, он сказал сыну, что тот волен поступать как угодно, а он справится с шахтой сам. Платон отвечал: «Хорошо, я останусь и буду руководить предприятием, хотя и не верю в него».

Они приступили к модернизации арендованного хозяйства, в том числе к обустройству фабрик — обогатительной и химического извлечения золота (цианированием). Инвестировали скудные средства, как занятые в частных фондах, так и собственные. Только Платон Малоземов вложил в это дело порядка 10 тыс. долларов — практически все, что имел. Прежние арендаторы — испанец, британец, два костариканца и два гражданина США — были обижены, но Платон предложил им субаренду и добился доверительных партнерских отношений. Необходимые для производства грузы доставлялись морем в коста-риканский порт Лимон (Limon) на Карибском побережье, а оттуда по единственной в стране железной дороге — до тихоокеанского порта Пунтаренас (Puntarenas), затем по дороге до деревушки Лас Хунтас (Las Juntas) и еще пять миль по бездорожью на запряженных выхолощенных быками двухколесных повозках. Автомобилей или даже четырехколесных повозок они себе позволить не могли. Из Калифорнии в Коста-Рику прилетела на американском пассажирском «Дугласе» (DC-3) Александра Харламова, невеста Платона. Расписавшись в Сан Хосе и не имея ни времени, ни средств на медовый месяц, они вернулись на лошади в Абангарес.

Настал день, когда Платон Малоземов сообщил остававшемуся в Нью-Йорке отцу, что предприятие нуждается в самом необходимом, включая цианид. С большим трудом Александру Платоновичу удалось

организовать отправку грузов, но когда судно уже стояло в порту Лимон, его торпедировала немецкая подводная лодка. Так был поставлен крест на последнем коммерческом предприятии А. П. Малоземова. В конце 1943 г. Платон вернулся из сырости и духоты дождевых коста-риканских лесов с подорванным здоровьем, опухолью на ноге и без денег. После операции по удалению опухоли он поступил на службу экспертом по рынку цветных металлов в правительственный офис ценового регулирования (Office of Price Administration)⁴⁴.

Будучи человеком разносторонних интересов, Александр Малоземов не ограничивал свое общение профессиональным кругом. Среди его нью-йоркских знакомых был, например, известный портретист Савелий Абрамович Сорин, кисти которого принадлежат портреты А. А. Ахматовой, М. Горького, Ф. И. Шаляпина, Т. П. Карсавиной. В 1920 г. живописец эмигрировал из России и в дальнейшем жил во Франции и Соединенных Штатах. Сорин был популярен, заказы ему делали члены королевских семей, аристократы, богачи. Соответственно он располагал свободными деньгами, по вопросам инвестирования которых советовался с Малоземовым. То ли в благодарность за консультации, то ли обычным порядком (за плату) он написал портрет Александра Малоземова, очень удачный, по мнению Платона. Другим знакомым старшего Малоземова был американский профессор, а в прошлом российский премьер Александр Федорович Керенский. В 1940-е гг. он был частым гостем в квартире Малоземова, а позже присутствовал на его похоронах⁴⁵.

Александр Платонович скончался в 1944 г. Елизавета Андреевна пережила бывшего супруга на 30 лет и покинула этот мир в апреле 1974 г. Ее архив хранится в фондах Музея русской культуры в Сан-Франциско. Благодаря полученному в 1999 г. гранту Национального фонда развития гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities) архив был микрофильмирован и также стал доступен исследователям в Гуверовском институте войны, революции и мира, входящем в систему Стенфордского университета. Среди материалов этого собрания — письма литераторов русского зарубежья Д. И. Кленовского, А. М. Ремизова, И. Е. Сабуровой и др. Елизавете Андреевне довелось пережить и своего сына Андрея, умершего в 1952 г. Его перу принадлежит монографии о российской дальневосточной политике на рубеже XIX—XX вв., уже после кончины автора выдержавшая в США два издания⁴⁶. Платон Малоземов в 1945 г. перешел с государственной службы в Newmont Mining Corporation. С этой корпорацией оказалась связана вся его дальнейшая деятельность. С 1954 по 1986 г. он последовательно занимал посты президента, главного исполнительного директора и председателя Newmont, которая под его руководством выросла из скромной компании в одного из лидеров мировой

золотодобычи с рыночной стоимостью в 2,3 миллиарда долларов. Скончался П. А. Малоземов в августе 1997 г. и был отпет в церкви Св. Сергия при Толстовском фонде, председателем совета директоров которого состоял при жизни. После него остались вдова Александра и дети Алексей и Ирина⁴⁷.

Мария Алексеевна также пережила Александра Платоновича и скончалась в начале 1970-х гг. После мужа она осталась практически без средств. Помогли Малоземовы: вначале, вероятно, Платон, а после его сын, которого Мария Алексеевна ласково называла «мой Алеша». Они поселили ее на так называемой «ферме» Тостовского фонда в городке Вэлли Коттедж (Valley Cottage) в штате Нью-Йорк, где помимо дома престарелых имеются небольшие домики, сдаваемые в аренду. В 1960-х гг. она даже приезжала в Ленинград в гости к сестре Екатерине, сын которой архитектор Алексей Юлианович Белинский сохранил воспоминания о бутылке французского шампанского, привезенной заморской гостьей в эпоху тотального советского дефицита.

-
- ¹ См.: *Malozemoff P. A Life in Mining : Siberia to Chairman of Newmont Mining Corporation, 1909—1985, 1990.* // The Regional Oral History Office University of California. The Bancroft Library Berkeley, California. P. 2—5.
- ² См., например: *Малышев Е. А. А. И. Умов — выдающийся русский инженер и хозяйственник на посту управляющего Симским горным округом* // Тез. докл. регионал. науч. конф. «Выдающиеся представители общественно-политической и духовной жизни Урала». Челябинск, 1997. С. 40—43; *Шкерин В. А. Горный инженер А. И. Умов* // Эконом. история России XVII—XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда : сб. ст. памяти Л. В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 289—300.
- ³ См.: *Коковихин М. Н. Миньярское подполье.* Челябинск, 1957. С. 59.
- ⁴ См.: *Панов А. Ф. Искры революции.* Челябинск, 1967. С. 29.
- ⁵ *Салов И. Подпольная работа в Симском заводе Уфимской губ. в 1904—1906 гг.* // 1905. Революционные события 1905 г. в г. Уфе и Уральских заводах (Башреспублика). Уфа, 1925. С. 57.
- ⁶ Копии писем переписки управляющего Умова с заводовладельцем Балашовым в 1905—06 гг. // Архив Симского историко-революционного музея. Д. 36. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 6.
- ⁸ *Пудовкин Н. В. Восстание на Симском заводе в 1906 г.* // Вопр. истории. 1982. № 7. С. 178.
- ⁹ *Коковихин М. Н. Указ. соч.* С. 58—60.
- ¹⁰ *Malozemoff P. A life in Mining...* P. 4.
- ¹¹ *Умова Л. А. Воспоминания* [Частное собрание].
- ¹² *Malozemoff P. A life in Mining...* P. 7.
- ¹³ *Ibid.* P. 14.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 15—17, 22, 27.

-
- ¹⁵ Сапоговская Л. В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX—XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 162—164.
- ¹⁶ Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
- ¹⁷ Малозетов Р. Ор. cit. P. 21—54.
- ¹⁸ Куликов В. М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале, 1925—1932. Свердловск, 1987. С. 94—95.
- ¹⁹ См.: Брин И. Д. Государственный капитализм в СССР в переходный период от капитализма к социализму. Иркутск, 1959. С. 90—91; Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика XVIII—XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008. С. 103—104.
- ²⁰ См.: Иванченко А. В. Участие иностранного капитала в развитии медной промышленности Урала в 1920-е гг. // Четвертые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 2002. С. 251.
- ²¹ Куликов В. М. Подготовка... С. 96.
- ²² См.: Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика... С. 104.
- ²³ Брин И. Д. Государственный капитализм... С. 93—94.
- ²⁴ См., например: Иванченко А. В. Роль иностранных концессий в развитии уральской промышленности в 1920-е гг. // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 240; Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях (1917—1941). Свердловск, 1991. С. 63.
- ²⁵ См.: Капорейко И., Капорейко О. У подножия Лабаз-камня // Малахитовая провинция : Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001. С. 249.
- ²⁶ Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях. С. 62.
- ²⁷ Григорьев А. Не та почта // Сысерть рабочая. Свердловск, 1964. С. 95.
- ²⁸ Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях. С. 78.
- ²⁹ Умова Л. А. Воспоминания.
- ³⁰ См.: Nussbaum A. The Arbitration Between the Lena Goldfields, Ltd. and the Soviet Government. Trans-Lex Administrative Information. Document-ID: 127500 [Electronic resource]. URL: <http://www.trans-lex.org/127500>. P. 32.
- ³¹ Цит. по: Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях. С. 64.
- ³² Брин И. Д. Государственный капитализм. С. 104; Тимошенко В. П. Указ. соч. С. 64.
- ³³ Брин И. Д. Указ. соч. С. 105.
- ³⁴ Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: the Historical Roots of Three Ideas // International and Comparative Law Quarterly. 1998. Vol. 47. Nr. 4. P. 747—792; Тимошенко В. П. Указ. соч. С. 64—65; Nussbaum A. Ор. cit. P. 32—33, 35.
- ³⁵ Брин И. Д. Указ. соч. С. 106—107; Куликов В. М. Подготовка... С. 106—107, 257.
- ³⁶ Сысерть. В краю Бажовских сказов / авт. текста В. А. Шкерин. Екатеринбург, 2002. С. 70; Ширинкина С. Концессия в Сысертском округе // Маяк (г. Сысерть). 1977. 12 апр.

- ³⁷ *Пергамент М. Я.* «Лена-Голдфилдс» // *Междунар. жизнь.* 1930. № 12. С. 43—69.
- ³⁸ *Минаев В.* Подрывная работа иностранных разведок в СССР. М., 1940. Ч. 1. С. 164.
- ³⁹ *Ячменев Ф. Ф.* Начало деятельности английской концессионной компании «Лена Голдфилдс» на Урале // *Вопр. истории Урала.* Сб. 8. Свердловск, 1969. С. 317.
- ⁴⁰ *Куликов В. М.* Подготовка... С. 111, 113.
- ⁴¹ *Malozemoff P.* A life in Mining... P. 58; *Nussbaum A.* Op. cit. P. 36.
- ⁴² *Lillich R. B.* The Anglo-Soviet Claims Agreement of 1968 // *The International and Comparative Law Quarterly.* 1972. Nr. 21 (1). P. 1—14.
- ⁴³ *Malozemoff P.* Op. cit. P. 8, 59.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 102—109.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 293—294.
- ⁴⁶ *Malozemoff A.* Russian Far Eastern policy, 1881—1904: with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War, Reprint, 1977. Berkeley, 1958.
- ⁴⁷ Deaths Malozemoff Plato // *The New York Times.* 1997. Aug. 10.